

Таким образом, можно сделать вывод о том, что модульная система обучения, являясь инновационной технологией, способствует решению задач, сформулированных не только в российских документах по модернизации образования, но также направлена на реализацию парадигмы современной мировой образовательной системы – научить человека учиться.

1. <http://uf.kgsu.ru/lib/doc.php?path=KafedraSociologiSR/Pravacheloveka/Kopengagenskayadeklaraciyasocial`nomrazvitii.htm&name=Копенгагенская декларация о социальном развитии>
2. Там же.
3. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года / Настольная книга учителя обществознания: Справочно-методическое пособие / Сост. Т.И. Тюляева. М., 2003. С. 154.
4. Там же. С. 155.
5. Там же. С. 156.
6. Там же. С. 159.
7. Там же. С. 164.
8. Там же. С. 164-165.
9. Там же. С. 175.
10. Там же. С. 181.
11. Федеральная целевая программа развития образования на 2006-2010 годы. М., 2006. С. 7.
12. Там же. С. 11.
13. Там же. С. 13.
14. Там же. С. 14-15.
15. Там же. С. 15.
16. Профильное обучение: Нормативные правовые документы. М., 2006. С. 11.
17. Федеральная целевая программа развития образования на 2006-2010 годы. М., 2006. С. 15.
18. Шкарлупина Г.Д. Преподавание истории и обществознания / Г.Д. Шкарлупина. Ростов н/ Д., 2005. С. 153.

Клименко И.М.
(Екатеринбург)

Влияние православной духовной проблематики будущего на российские концепции воспитания

Для российской педагогической ментальности была характерна устремленность на формирование социального типа личности, относящейся к будущему ответственно, с глубоким вниманием и сосредоточенностью, но вместе с тем, не живущей лишь ради будущего, не рассматривающей день настоящий только как прагматичную предпосылку дня завтрашнего. Высо-

кодуховная нравственно-воспитательная проблематика будущего была обозначена в отечественной культуре особенно рельефно православным христианством. Данная проблематика сконцентрировалась, прежде всего, на вопросах судьбы и смерти.

Для русской культурной традиции, при всем ее уважении к отрешенному служению Богу, характерно также и уважение к обычной мирской жизни, в которой содержится достаточный потенциал добра и справедливости. Такой подход зарождался еще на заре христианизации России. Не только затворничество, монашество, но и обычная повседневная жизнь достойна высокой нравственной оценки. Владимир Мономах в своем "Поучении" подчеркивает: "...Ни затворничеством, ни монашеством, ни голоданием, которые иные добродетельные претерпевают, но малым делом можно получить милость Божию" (1). Из данного совета Мономаха не следует, будто князь был противником монашеского образа жизни, как это утверждается в историко-педагогической литературе. Просто мирским детям и взрослым из гражданской и воинской элиты он предполагал мирской же образ богоугодной жизни. Трудно согласиться с некоторыми современными комментариями "Поучения" Мономаха, утверждающими, будто в нем просматриваются антицерковные мотивы.

Мономах, будучи светским верующим, деликатно не входит в специальную богословскую область затворничества как пути личного спасения, как проявления личной свободы воли, дарованной Богом. Но как истинный христианин он восторгается красотой природы. Было бы странно, если бы это было не так, ибо восхищением красотой сотворенного Богом мира наполнено все Священное Писание. К тому же, Мономах вовсе не ставит под сомнение перспективу потустороннего блаженства, потому что, во-первых, оно не каждому уготовлено, а во-вторых, и это очень важно, данная перспектива, по убеждению Мономаха, определяется земными поступками каждого человека. Не случайно Мономах неоднократно подчеркивает, что человек смертен, что "сегодня живы, а завтра в гробу", а потому человек постоянно должен соответствовать высоким нравственным требованиям веры.

Несмотря на единые исходные духовные тексты, культурное развитие русского народа предопределило и некоторые отличия от других европейских народов. Так, например, в отличие от католической культуры в России не укоренился дух мистицизма. Г.П. Федотов, в своих поисках историко-религиозных корней русского своеобычия святых, обратил внимание на древнее палестинское монашество, которое "было нашей школой спасения, той веткой восточного монашеского древа, от которого отделилась русская отрасль». Подвиги древних египетских и сирийских отцов более поражают героической аскезой, даром чудес и возвышенностью созерцаний. Палестинцы гораздо скромнее, менее примечательны внешне. Зато они обладают тем даром, в котором, по одному изречению Антония Великого, состоит

первая добродетель подвижника: рассудительностью, понимаемой как чувство меры, как духовный такт. Святые палестинцы не застали героических времен монашества. Они собирают древний опыт, но очищают его от крайностей. Их идеал, при всей его строгости, шире и доступнее. В нем нет ничего сверхчеловеческого, хотя именно из жития св. Саввы Русь взяла свою любимую характеристику святого: "Земной ангел и небесный человек". Мы имеем право говорить об очеловечении, о гуманизации аскетического идеала на Руси. «...Этот-то идеал для подражания поставила себе святая Русь, внося в него свой собственный талант, овеяв его мерную строгость своим благоуханием» (4).

В православном догматическом богословии утверждается, что "нам не дано знать в Священном Писании, как проходит частный суд по смерти человека... Веруем, что души умерших блаженствуют или мучаются по делам своим...». Православная церковь различает два разных состояния после частного суда: одно для праведников, другое - для грешников, иначе говоря, рай и ад. Отцы Церкви, на основании слова Божия, полагают, что мучения грешников до Страшного Суда имеют характер предначинательный. Эти мучения могут быть облегчаемы и даже могут быть сняты по молитвам Церкви.

И в самом деле, в течение столетий русские люди просили у Бога своим усопшим близким Царства Небесного. Свечи ставились в церкви во имя умерших и все с той же надеждой па Царство Небесное для них. Заказывались молебны с этой же целью. Была великая культура, одухотворенная сознанием надежды на избавление душ усопших от мучений в загробном мире. И это сознание одухотворяло живых, делало их нравственно лучше. В этом плане данная культура надежды существенно отличалась от предшествовавших языческих верований в загробную жизнь. Языческий образ смерти внушал, что в загробном царстве то же социальное неравенство, что и на земле. По повериям восточных славян, знатный человек на том свете оставался знатным, а бедный бедным. Значит, чтобы обеспечить себе в потустороннем мире по возможности лучшую долю, следует накопить богатства на земле. Эта социально-экономическая заданность посмертной судьбы человека, эта зависимость судьбы от знатности и накопленного, добытого в боях богатства делали почти незаметной морально-ценностную направленность смерти.

В язычестве униженные и оскорбленные почти не надеялись обрести лучшее будущее, а Христос обещал в Нагорной проповеди: "Блаженны нищие духом... плачущие - кроткие... алчущие и жаждущие правды... чистые сердцем... миротворцы... изгнанные за правду..." (Ев. от Матф. 5:3-10).

Православные воспитывались в духе почтения к родителям, к старикам. "Почитай отца и мать свою", - наставляла Библия. Народу из века в век внушали, что существует глубокое различие между будущим, которое предви-

дит или которым пытаются управлять с помощью своих особых способностей колдун, волхв, и будущим, прогнозируемым библейскими пророками и "святыми людьми". В первом случае образ будущего сомнителен, недостоверен, предсказан с помощью лишь человеческого разума или общения с "бесовскими" силами. Не случайно на Руси к колдунам не было особого уважения, их боялись, хотя нередко к ним обращались за помощью. Пророчества библейские своеобразны тем, что в основе их - любовь пророка к людям, к Богу, в награду, за что Бог и открывает ему завесу будущего. Пророчества блаженных, юродивых также считались наиболее правдивыми, ибо на этих людях видели печать Божию.

Будущее, как и правду-истину, прозревает лишь тот, кто имеет страх Божий: "Кто есть человек, боящийся Господа? Ему кажет Он путь, который избрать. Души его пребудет во благе. Тайна Господня - боящимся Его и завет Свой Он открывает им" [Пс.24:12-14].

Огромное нравственно-воспитательное значение имел образ грядущего Воскресения из мертвых. "Какая мне польза, если мертвые не воскресают? - вопрошал апостол Павел и отвечал. - Станем есть и пить, ибо завтра умрем! Не обманывайтесь. - Скажет кто-нибудь: как воскреснут мертвые? И в каком теле придут? Безрассудный! то, что ты сеешь, не оживет, если не умрет; и когда ты сеешь, то сеешь не тело будущее, а голое зерно, пшеничное или другое какое; но Бог дает ему тело... Так и при воскресении мертвых: сеется в тлении, восстает в нетлении; сеется в немощи, восстает в силе; сеется тело душевное, восстает тело духовное». Христианско-православный образ будущего, радость от того, что "не без надежды уже пребываем", являлись плодотворной мировоззренческо-психологической почвой для веры в постоянно существующую для человека возможность обновления, исправления и самосовершенствования. Этот образ будущего как грядущего неизбежного личного ответа за помыслы и деяния на земле, причем частично ответа еще при жизни человека, требовал от последнего "ходить прямым путем", т.е. быть праведником. Здесь в центре именно правда, не одинокая отвлеченная рационалистическая истина, а нравственная истина в теснейшем единстве с богоугодными поступками. В.В. Зеньковский обратил внимание на этот момент слитности в слове "правда" двух тенденций русской философии - теоретичности и практичности. Он цитирует Н.К. Михайловского: "Всякий раз, когда мне приходит в голову слово "правда", я не могу не восхищаться его поразительной внутренней красотой... Кажется, только по-русски истина и справедливость называются одним и тем же словом и как бы сливаются в одно великое целое...". А от себя В.В. Зеньковский добавляет, обобщая: "В неразрывности теории к практики, отвлеченной мысли и жизни, иначе говоря, в идеале "целостности" заключается, действительно, одно из главных вдохновений русской философской мысли. Русские философы, за редким исклю-

чением, ищут именно целостности, синтетического единства всех сторон реальности и всех движений человеческого духа" (3).

Стремление к духовной чистоте в единстве с мирской жизнью проникает из православия в первые социальные утопии. Утопии, даже консервативные, такие, как "Путешествие в землю Офирскую" князя М.М. Щербатова, призывали к существенному изменению общественного устройства на принципах истины и справедливости, нестяжательства и труда. Если православная эсхатология акцентировала в основном смиренное ожидание будущего и личное самосовершенствование, то социальные утопии, особенно декабристского и революционно-демократического толка, звали уже к широким практическим действиям по изменению общественных порядков с целью достижения "светлого будущего". Последнее, как правило, "снилось" авторам и героям их произведений.

Даже негативные, пессимистические антиутопии воспитывали преимущественно определенный слой оппозиционной интеллигенции. Она их создавала, она же на них и воспитывалась, привлекая на свою сторону ту часть населения, которая все более разочаровывалась в религиозной трактовке проблемы индивидуального и социального будущего. Естественно, что разочаровывался прежде всего бывший крестьянин, нередко неудачник, ставший наемным городским пролетарием, жителем трущоб, который в самом деле думал, что ему нечего терять, кроме своих цепей.

Несмотря на расхождения правых и левых социал-демократов во взглядах на пути и способы действий, их объединяла убежденность в правоте Н.Г. Чернышевского, призывавшего в романе "Что делать?" любить будущее, стремиться к нему, работать для него, переносить из него в настоящее, сколько можно перенести. Этому же следовали, в сущности, и социал-демократы, включая большевиков, которые, формируя мессианскую идею строительства Нового мира, подчиняли будущему не только интересы сегодняшнего дня, но и право человека на самостоятельное определение своей судьбы. Отрицание божественного источника бытия, подчинение человека не нравственным (внутренним), а социальным (внешним) требованиям, конечность бытия, заключающаяся в отсутствии надежд на загробную жизнь, - главные отличия коммунистических утопий от православных воззрений на судьбу и на будущее.

В педагогических воззрениях "дооктябрьских" большевиков четко просматривается определенная умеренность футурологического сознания. "Призрак" коммунизма казался все же достаточно далеким и оставался "призраком". Большое внимание большевики уделяли общедемократическим реформам общества и школы. Работая на коммунистическое будущее, они прилагали немалые усилия для прогрессивных изменений внутри старого общества. Вовлекая молодежь в революционное движение, поддерживая протест учащихся против затхлого школьного режима, направляя академиче-

ское движение в русло политической борьбы, выполняя программные требования по народному образованию, принятые вторым съездом РСДРП, большевики еще были далеки от того, чтобы превратить образ будущего в репрессивное идеологическое средство. В учении К. Маркса и Ф. Энгельса о коммунизме, как высшей цели общественного развития человечества, нет идеи, призывающей стремиться к этой цели любой ценой. Эта "любая цена" особенно проявляется после взятия власти большевиками.

Антропоцентрическая концепция социал-демократии уверяет, что человек не нуждается в сверхъестественной помощи, ибо имеет в своей природе все. Вообще нет ничего выше человека, притом не в идеальном его первообразе, а именно в его теперешнем состоянии. Правда, ему многого, бесконечно многого надо достигнуть еще на историческом пути, но он это сделает и сделает своими силами, без всякой помощи. Он не нуждается в божественной благодати или чуде и даже не хочет его, ибо он сам по себе есть Бог, хотя и еще только становящийся. Поэтому все упования человека, все его внимание переносится здесь на те достижения, которые совершены и могут еще совершиться в поступательном движении или так называемом прогрессе. Прогресс и есть настоящее божество для «религии антропоцентризма», в том числе, и в когнитивных, и во фрейдистских, и в экзистенциальных, и в бихевиористических ипостасях антропоцентризма. В прогрессе разрешены будут все противоречия жизни и устранена всякая ее дисгармония. В числе других частных выводов антропоцентрического мировоззрения одним из важнейших практических его приложений является и социализм (2). Но ни одна из антропоцентрических теорий, кроме марксизма, подвергая сомнению мир Бога, не противопоставляла себя ему. Только последний фактически запрещал своим апологетам веру в божественное. Воинствующий материализм, победивший на территории России, превратил, со временем, абсолютное большинство ее населения в неверующих, в отличие от населения всех других стран. Пока нет научного доказательства тому, что это сослужило России добрую службу.

В результате анализа российской дореволюционной педагогической мысли мы видим, что ей присуща парадигма воспитания человека в духе "умеренного" отношения к будущему, рассматривавшемуся как ценность, равнозначная ценности жизни "здесь" и "теперь". Вместе с тем будущее трактовалось в качестве своеобразного воспитания, которое, являясь на самом деле целью, планом жизни или событием - расплатой, наградой, возмездием за грехи, жестко предписывал человеку "ходить прямыми путями", следовать правде-истине.

Анализ отечественной педагогической мысли показал, что она не ориентировала среднего человека на постоянное и напряженное ожидание "конца света" или "волшебного чуда". Также не формировалось у россиянина и пустой мечтательности. Отечественная педагогическая мысль, вооруженная

православной духовностью, очевидно и настойчиво противостоит особой эсхатологичности русского менталитета, пытается преодолеть безволие и необязательность. И если это не удалось, то не из-за слабости православной идеи, а из-за особого противостояния ей, которое имеет под собой как объективные, так и субъективные основания и требует особого рассмотрения.

Цит. по: Бабишин С.Д., Митюрлов Б.Н. Педагогическая мысль периода зарождения и развития феодализма // Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV - XVII вв. М., 1985. С. 165.

2. Бердяев Н.А. Христианство и история // Смысл истории. М, 1990. С. 34-36.

3. Зеньковский В.В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. М., 1993. С. 17.

4. Федотов Г.П. Святые древней Руси. М. 1990. С. 302.

Кузнецов В.М.
(Челябинск)

Опыт разработки мультимедийных презентаций для лекционных занятий по курсу «Традиционная культура русского народа в XVIII-XX вв.» для студентов-гуманитариев»

Курс «Традиционная культура русского народа в XVIII-XX вв.» предназначен для студентов, обучающихся по специальностям «История» и «Искусствоведение». Возможно также преподавание данного курса в качестве спецдисциплины для студентов-филологов (специализация «Фольклористика») с учетом образовательных потребностей будущих гуманитариев. Цель учебной дисциплины - углубленное знакомство студентов с общественным и семейным бытом, духовной культурой русского народа XVIII-XX вв. В преподавании актуализируются тематические связи с курсами истории первобытного общества, этнологии, истории России и Урала, краеведения. Принцип построения курса - комплексное рассмотрение явлений материальной и духовной культуры, этнографической «реальности» и фольклорного «отражения».

Главная методическая проблема - поиск оптимального сочетания в содержании курса теоретических положений и конкретно-исторического материала. Поэтому практика преподавания курса настоятельно требует привлечения графических и аудиовизуальных средств обучения для наглядной презентации содержания лекционных занятий. Мультимедийные презентации используются для исторической реконструкции внешнего облика и атрибутов представителей субэтнических групп и разнообразных социальных ти-